

Штрихи Вех. кин. - 1996. - 30 апр. - 97

Между Чичиковым и Верховенским

Юрий Любимов поставил "Подростка": еще одна попытка вписать современную русскую душу в современную русскую реальность. Слово "РЫНОК", извлеченное из Достоевского, со значением брошено в публику. Публика встречает это понимающим смехом.

Смехом все оборачивалось и у Петра Фоменко, поселявшего нынешнего россиянина среди "Волков и овец" Островского. Однако у Любимова шарж и аттракцион вовсе не обозначают комической сверхзадачи, но всегда парадоксально очерчивают патетическую. Разумеется, тут и техника: аттракционный шарм помогает театрально подпереть текст романа (единственного у Достоевского романа, не лишённого занудства), но дело не в этом.

Дело в том, что аттракционна сама патетическая ситуация. Подросток, ищущий успеха в "рынке", попадает не в "рынок", а в бедлам, где все скандально, все стоит на голове, и все ведет себя так, словно завтра собираются мотануть из этой страны к чертовой матери. Сто рублей... триста руб-

лей... три тысячи рублей... все блеф и подлог. Подросток, вроде бы нацелившийся встать на путь Чичикова, косит под Верховенского-младшего: сначала идея — деньги потом. Он упиивается версильевскими апокалиптическими идеями... да кое-что еще Любимов опустил — насчет удушения всякого гения во младенчестве, что теперь инкриминируется коммунистам всех времен.

Изюминка спектакля — в том, что главный герой... удвоен. Не раздвоен душой, а удвоен телом; два похожих молодых актера — Д. Муляр и А. Лырчиков — неотличимые в этой свистопляске, вподхват играют юного Аркадия. Прежде, чем трюк разгадан, ты успеваешь заразиться магией и мороком: маленький правдоискатель — везде; едва вышвырнутый за правую кулису, он появляется из левой: он лезет во все дырки и везде получает пинки, затрещины и оплеухи. Как всегда у Любимова — опыняющая сценичность. И как всегда — отрезвляющее раздумье.

Лев АННИНСКИЙ.